

Максим МАРКОВ

г. Москва

Семья... Как много в этом звуке для фильма русского слилось

(Образ семьи в современном российском кино)

Мировое кино старается отобразить человеческую жизнь во всех её многогранных проявлениях; по мере сил не отстают от зарубежных коллег и российские кинематографисты. Но широтой взглядов мы вряд ли кого-то испугаем: в отечественных фильмах всё чаще предпочтение отдаётся «простым человеческим ценностям», которые не несут в себе ничего хоть сколько-нибудь «опасного».

Показательны в этом отношении итоги фестиваля «Кинотавр» 2014 года. В необычно сильном конкурсе (а он по праву считается важнейшим в стране) соседствовали тогда картины на самые животрепещущие темы: мигранты и националисты, безработица и бедность, проблемы инвалидов и чиновничий беспредел. Чувствовалось: авторам есть что сказать о сегодняшнем дне. А при раздаче призов на первый план вышли ленты на вневременную тематику – о любви, а если взять чуть шире – о семье. Жюри отказалось привечать актуальные

высказывания (паре социальных лент были выданы поощрительные призы, иначе было бы уж совсем странно), острым вопросам предпочтя по-своему понимаемое художественное качество.

Примечательно, что одна из наград досталась тогда драме Светланы Проскуриной «До свидания мама» (заголовок намеренно лишён запятой) – а ведь это очередное прочтение «Анны Карениной». Второе в России за последнее десятилетие – после фильма Сергея Соловьёва. Но что поразительно – далеко не последнее: в скором времени нам предстоит увидеть и оценить видение классического романа Кареном Шахназаровым и Юрием Грымовым. Можно ли принять это за показатель неослабевающего интереса к счастливым и несчастным семьям у российского зрителя?..

Если начать разговор с больших мастеров, то едва ли не единственным современным российским кинорежиссёром, который в своих ра-

ботах неизменно опирается на тему Семьи, последовательно и разнопланово её разрабатывая, является Андрей Звягинцев (он, кстати, и возглавлял два года назад жюри сочинского кинофестиваля, что многое, пожалуй, объясняет). Четыре его полнометражных картины – четыре взгляда на отношения между, казалось бы, самыми близкими, но такими далёкими друг от друга людьми. Пятый фильм ещё даже не снят – но и он будет о том же.

В центре дебютной ленты Звягинцева «Возвращение» – фигура отца, неожиданно возвращающегося из небытия к своим детям. Двое мальчиков даже и думать забыли, что у них ещё кто-то есть, кроме матери и бабушки, но вот в доме появляется мужчина, преломляет за столом хлеб и отправляется с ними в путешествие. Зачем и куда – не важно; важны те нити, которые режиссёр протягивает между героями. Два сына – две реакции: мгновенное притяжение – и недоверчивая подозрительность. Кто он, этот отец? Имеет ли он право после того, как неизвестно где пропал столько лет, вдруг начинать воспитывать уже довольно взрослых парней?..

Герой Константина Лавроненко строг и даже жесток. В те дни, что отпущены ему сюжетом, он пытается не столько преодолеть отделяющую его от сыновей пропасть, сколько экстренно преподать им уроки выживания, заставить их поверить в собственные силы. Его педагогические методы могут показаться странными, но зрителю не с чем сравнить: воспитавшая ребят мать остаётся дома, практически сразу исчезающая из кадра.

Зато мать – ключевой персонаж следующей картины Звягинцева, «Изгнания». Мучаясь отсутствием любви, тем, что некогда дорогой для неё мужчина отдался и словно забыл про былые чувства, Вера (её сыграла шведская актриса Мария Бонневи) предпочитает холоду в отношениях добровольный уход из жизни. Неприятливый супруг не услышал, не распознал её призыва о помощи. Сбитый с толку интимным признанием («Я жду ребёнка. Он не твой»), он готов был винить в случившемся кого угодно, только не самого себя. Поиски доказательств измены уводят его от главного: от попыток восстановить с женой давно утраченный душевный контакт. Последствия трагичны и необратимы: Александр теряет не только любимую женщину, но и брата, сердце которого не выдерживает скопившегося напряжения.

Фильмы Звягинцева – и режиссёр не отрицает этого – подвластны религиозной трактовке, ис-

следователи его творчества находят множество параллелей между сюжетами «Возвращения» и «Изгнания» и текстами Священного Писания. Подобный подход к анализу этих картин очень востребован и позволяет не замечать очевидного: в настоящей жизни людям не свойственно вести себя подобно библейским героям. А не имея под рукой искусствоведческих комментариев, можно только поражаться как словам, так и поступкам персонажей – в которых очень легко почувствовать фальшь и неестественность.

Но раз обывательский подход к этим произведениям неприменим, то можно предположить, что Звягинцева интересует не обобщённый образ нынешней российской семьи, а некое абстрактное представление об этом понятии, полное аллюзий, но лишённое конкретики. Подобный взгляд, как показывает весомый фестиваль успех этих работ, не просто допустим, но и пользуется значительным успехом по всему миру: максимальная условность происходящего помогает зрителям из разных стран соотносить «голую» историю со своими реалиями.

Куда более предметны следующие фильмы режиссёра. Героиня Надежды Маркиной в «Елене» замужем за обеспеченным человеком не по любви, а простоты ради: он в возрасте, ему удобно иметь рядом человека, который и накормит, и измерит давление, и которого при этом не надо уговаривать лечь с ним в постель (последнее выгодно отличает жену от приходившей медсестры или кухарки). Елена для него функциональна; но и к Владимиру у женщины – отнюдь не любовный интерес. Этой семьёй правят деньги: у одного они есть, у другого – безработного сына Елены – их нет и никогда не предвидится. За свою семью, впрочем, родственников супруги Владимир не считает: он женился на ней, а не на них, а потому не собирается волочить их за собой «мёртвым грузом». Противоречие разрешается просто: в нужный момент дав сердечнику противопоказанную таблетку, героиня убивает уже ненужного ей муженька, подчистую выгребая сейф и вскоре переселяясь в богатую квартиру своё настоящее семейство. Такие времена, такие нравы.

Главные герои «Левиафана» – муж и жена, его подрастающий сын от первого брака и друг семьи, оказывающийся, как вскоре мы понимаем, любовником Лили. «Люблю тебя», – говорит ей супруг. «Я знаю», – отвечает она. Кратко и ёмко: не взаимное «Я тоже», а «Я знаю». Они вместе, но полного единства нет, нет гармонии. Но нет её и в отношениях с другим мужчи-

ной. События последних дней – не только семейные – подводят отчаявшуюся женщину к крутому обрыву.

То, что случилось с сыгранной Еленой Лядовой Лилей, можно интерпретировать двояко: убийство или самоубийство? Фильм не даёт однозначного ответа, свои «за» и «против» имеются у каждой трактовки. Однако сам режиссёр – уже за пределами кинозала – даёт всё же понять, что смерть была именно Лилиным решением: склеить разбитую семью ей оказалось уже не по силам. Так ли это? Можно спорить. В любом случае очевидно, что трагическое мировоззрение автора не позволяет счастливому финалу проявиться в принципе. Но является ли его пессимизм диагнозом всему российскому обществу?..

В настоящее время Звягинцев ещё только снимает свой пятый большой фильм – «Нелюбовь». О сюжете известно пока крайне мало, но и одной строчки понятно: семья снова в центре его внимания. И вновь – семья расколота: супруги готовы уже разводиться, как вдруг пропадает их сын, двенадцатилетний Алёша...

Семья поставлена и в центр всех комедий Жоры Крыжовникова: «Горько!», «Горько! 2», «Самый лучший день», каждая из которых стала заметным кассовым хитом в российском прокате. В первом из этих фильмов Ромка и Наташа собираются пожениться, да вот ведь какая беда: молодые хотят справить свадьбу по-своему, по-современному, на берегу моря, в то время как родители невесты настаивают на традиционном гулянье – с тамадой, в ресторане. Притирка «старого» и «нового» не обходится без катастрофических накладок – как и притирка одной семьи ко второй. Узнаваемость и характеров, и ситуаций, тот «русский дух», что безошибочно был пойман создателями ленты, а главное – незыблемая в своей простоте идея, что лишь в семье, в родных и близких людях – твоя самая верная опора, – всё это привело к большому успеху картины у самого широкого зрителя (широкого, правда, по нынешним меркам, далёким от советских).

Следующая встреча с полюбившимися героями состоялась уже на поминках, пусть и фальшивых: семья сплочённо прикрывает своего проштрафившегося члена, якобы провожая его в последний путь – под его же собственные указания. Крыжовников признавал, что ему особенно интересно это состояние наивысшего эмоционального подъёма в человеке – будь то в радости или в горе. Свадьба и похороны – два события, которые традиционно хотя бы на

день-другой объединяют порой даже не самых близких родственников. Ещё один вариант – рождение ребёнка; но хотя молодые герои уже и задумывались об этом, кинематографисты с третьей серией «Горько!» не спешат – обдумывая, видимо, новые шутки.

Поэтому «Самый лучший день» – снова про свадьбу, только несостоявшуюся. Не успел Петя Васютин сделать своей избраннице Оле предложение, как тут же изменил – с гламурной разлучницей. «Не специально. Повезло, понимаешь», – считает персонаж Дмитрия Нагиева, ещё не понимая: упустить истинную любовь – легко, вернуть, испросив прощения, куда труднее.

Любопытно, что в основе этой картины лежит пьеса классика российской драматургии Александра Островского «Старый друг лучше новых двух». Перенеся действие в наши дни, Крыжовников лишней раз подчеркнул: в вещественном плане жизнь, конечно, за полтора века сильно изменилась, но в корневой сути своей человек остался таким же. Как говорится, на то она и классика, чтобы быть не просто вечной, но вечно актуальной.

Семейную тему режиссёр на сей раз подчеркнул насыщенным музыкальным фоном – который здесь и не фон уже даже, а стержневой элемент: популярные шлягеры искусно вплетены в сюжет, дополняя его и развивая. «Пусть мама услышит, пусть мама придёт», – водят герои хоровод вокруг сыгранной Инной Чуриковой матери. «Спасибо за сына и за дочь», – запекает, было, Михаил Боярский свою пронзительную песню, но обрывается – оставляя её на финал, где она прозвучит уже во всю мощь, в индийском стиле да с танцами.

Романтическая комедия, ромком – один из наиболее популярных киножанров не только у нас, но и во всём мире. Его суть (если совсем упрощённо) сводится к строчкам из другой известной песни: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся». Как правило, третья стадия достигается киногероями уже в финале картины. Но если фильм становится популярным, то у него рано или поздно появляется сиквел, продолжение – который уже в полной мере попадает под нашу «семейную тему».

Из числа прочих можно выделить две трилогии, к созданию которых приложил руку Марюс Вайсберг, в пяти случаях из шести выступивший в качестве режиссёра. Но «Любовь в большом городе» и «8 первых / новых / лучших свиданий» объединяет не только его фамилия в

титрах. В основе этих лент лежит некое волшебство, сперва помогающее героям встретиться и влюбиться, а потом коварно их разлучающее, дабы они в полной мере проявили себя, преодолев все возникшие на пути друг к другу препятствия и воссоединившись в итоге со своими избранниками. Принципиальное различие разве лишь в том, что «Любовь в большом городе» ищут и обретают три пары, а «Свидания» случаются у одной. Вывод всякий раз одинаков: коль уж нашёл свою любовь, так береги её пуще зеницы ока, а случись беда – борись что есть сил, не сдавайся! «Счастье не любит, когда к нему привыкают. Счастье любит, когда им дорожат», – мораль, подходящая для любого из этих фильмов.

Однако последний из них – «8 лучших свиданий» – выверенную концепцию нарушил. Во-первых, он напрочь лишён волшебства (в том числе, увы, и художественного). Во-вторых, постоянный персонаж Владимира Зеленского здесь почему-то женат не на героине Оксаны Акиншиной из первых двух серий, а на Маше с лицом и формами Веры Брежневой – из чего выходит, что предыдущая битва за истинную любовь была им, получается, проиграна. (В реальности всё куда прозаичнее: у артистов не сошлись графики съёмок, и создатели ленты цинично «развели» полюбившуюся зрителям пару, лишь бы успеть выпустить кино к очередному 8 Марта – такая вот получилась у них «любовь», беспринципная.)

Но суть сюжета не в прошлом героя, а в его настоящем: Никита узнаёт, что смертельно болен – и, вместо того чтобы мирно провести с семьёй оставшееся ему время, начинает подыскивать любимой супруге... нового мужа. Ну чтоб она не осталась одна, чтоб было кому позаботиться о ней после его преждевременной кончины. Причём Маше он правду не говорит, а свои поступки никак не объясняет, выставляя её тем самым словно бы на продажу: «Не жена – подарок судьбы».

В какой-то мере эта «комедия» заимствует центральную идею из душещипательной мелодрамы «Я буду рядом» Павла Руминова, только безжалостно её опошляя. В том фильме новую семью для маленького сына искала умирающая мать: ей, растившей мальчика в одиночку, было предельно больно отдавать его чужим людям, но Инна понимала: ещё немного – и Митю попросту ждёт детский дом. Но пока ему всего лишь шесть лет, его ещё можно обмануть во благо, передать второй маме без риска нанести

непоправимую психологическую травму. Интересы ребёнка ставятся героями очень светлой (при всём трагизме) картины во главу угла; но в «8 лучших свиданиях» Маша никак не похожа на несмышлёныша, за которого необходимо принять столь ответственные решения. А потому все «заботы» Никиты отдают несусветной фальшью, не позволяя сочувствовать надуманным сюжетным коллизиям.

Чего, конечно, не скажешь о картине Руминова, незамеченной, увы, широким зрителем, но являющейся, безусловно, одной из ярчайших работ последних лет как в контексте рассматриваемой нами темы, так и во всём российском кино. «Я буду рядом» – лента сверхэмоциональная и порой даже «спекулятивная»: ведь зритель волей-неволей проникается жалостью к персонажу, которому суждено вскоре покинуть эту землю. Но, к чести автора, здесь соблюден баланс между «можно» и «нельзя», а сюжет с его неожиданным ракурсом раскрывается во всём кинематографическом блеске. И мать, сыгранная Марией Шалаевой, становится Героиней в подлинном смысле этого слова: то, что она сделала для сына, иначе как подвигом и не назовёшь. Подвигом самоотречения, подвигом самопожертвования. Закрыв дорогу собственным чувствам, Инна сделала всё, чтобы её Митя не страдал – найдя для него тех, кто готов будет отдавать мальчику всю ту любовь, что он не сможет уже получить от ушедшей в мир иной матери.

Другой взгляд на семью Руминов предлагает в картине «Статус: свободен», которую можно назвать своеобразным «анти-ромкомом», благо завязка здесь не встреча, а расставание. Афина решила уйти от Никиты, Никита попросил дать ему семь дней на то, чтобы попытаться восстановить отношения. У него не получается, но финал всё равно оптимистичен: была одна потенциальная (ещё не зарегистрированная загсом) «ячейка общества», стало две – каждый нашёл свою новую половинку, чем же плохо?.. Такова лёгкость «высоких отношений» в эпоху социальных сетей – к этому выводу изначально и отсылает название фильма.

Автобиографические мотивы пропитывают совсем новую работу режиссёра – но «Машина любви» уже не драма и не комедия, а «лирический порнофильм»: душевные переживания не отделены здесь от столь же интимных моментов физической близости. Для российского кино эта лента, конечно же, исключение: открыто говорить о сексе как о весьма существенной се-

мейной «скрепе» у нас по-прежнему не принято.

Разрушить этот барьер попыталась Оксана Бычкова, включившая в свой фильм «Ещё один год» три протяжных любовных сцены – как связующую цепь для столь непохожих, казалось бы, людей: Егор – простой парень, бомбила, Женя – бильд, сотрудница модной редакции, переживающая в сердцах, что с ним она «деградирует». Но наступает ночь – и все размолвки растворяются в жарких объятиях. Доверившись режиссёру, Надежда Лумпова и Алексей Филимонов совершили, можно сказать, актёрский подвиг, дабы показать непроговариваемое: помимо «родства душ», есть и другая, не менее весомая причина для того, чтобы быть вместе.

В основе ленты – заново пересказанная знаменитая пьеса Александра Володина «С любимыми не расставайтесь», которую можно и не узнать: говорят и живут герои иначе. Неизменной осталась та щемящая нотка, которая заставляет нас сопереживать этим молодым людям. У них всё было хорошо, но мелочи жизни, нелепые взаимные обиды всё-таки привели однажды к отчаянному крику: «Давай разводиться тогда!» «Давай», – последовал отрывистый жёсткий ответ. «Мы разводимся по техническим причинам», – смеётся он, щедро взяв на себя оплату госпошлины, 450 рублей с каждого. «Что, ты, типа, угощаешь?» – шутит и она, пока не осознавая, как больно будет им обоим после расставания.

«А куда они пошли?» – спрашивает одна свидетельница пылкой ссоры двух влюблённых у другой. «А тут одна дорога – на сеновал», – этот игривый намёк – максимум, что может позволить себе ещё один ромком с более чем подходящим для нашего разговора названием: «Срочно выйду замуж» (реж. Сергей Чекалов). Производственная необходимость в недельный срок завести супруга (главный редактор семейного журнала может быть только семейным) делает выбор героини Юлии Ковальчук предельно безответственным: её судьба зависит теперь от брачного агента. В соответствии со своим сюжетом фильм получился столь же пустым, хотя и эта пустота заставляет задуматься: что хорошего может быть в том, что успешная карьера для женщины оказывается много важнее счастья в личной жизни?..

Этой пустотой грешат многие наши картины: поверхностный взгляд на вещи предпочтительнее глубины, которая будет «грузить», а не развлекать зрителя. Можно, конечно, сколько угодно заявлять, что это неправда, что «наш зри-

тель умнее» и это не он «виноват», а отсутствие достойного предложения... Но многие ли видели тот же «Ещё один год» – быть может, важнейший фильм про семью во всей нашей подборке?..

Комедия Эдуарда Оганесяна носит непатриотичное название «Дабл трабл» (видимо, это такая попытка угодить «взыскательному» зрителю, не приветствующему всё отечественное), но забавно другое. Сюжет ленты, в принципе, банален: мужчина лет сорока неожиданно для себя узнаёт, что у него есть не только дочь, но уже и внук – и вынужден с этими двумя обстоятельствами как-то примириться. Нет, конечно, по правилам жанра он сперва отчаянно сопротивляется своей новой «семье»: Роман – холостяк, свободная птица, но как раз сейчас у него назревают серьёзные отношения со знающей себе цену начальницей; мысль, что его наглым образом обманывают, не кажется ему неразумной. Разумеется, финал будет счастливым – и тест на ДНК даже не будет, кажется, должным образом прочитан.

Так вот, примечательно здесь то, что в основе даже такой – не блещущей новизной – истории лежит не российский сценарий, а ... корейский! Потому как фильм этот – ремейк популярной в Южной Корее комедии 2008 года «Скандалисты»... С одной стороны, в этом можно найти даже плюс: хватит нам уже тянуть идеи из Голливуда, давно пора обернуться на Восток. Но с другой – очевиден прискорбный факт: даже разрабатывая такую самую родную, казалось бы, тему, как тема Семьи, наши кинематографисты нет-нет да и тянутся за чужой подсказкой. Полагая, что «списать» – и легче, и лучше, чем сочинять что-то своё, самобытное, пропитанное собственными наблюдениями и чувствами...

Впрочем, всегда есть время и возможность «исправиться» – и «Завтрак у папы» в постановке Марии Кравченко уже позиционируется перед зрителями как нечто оригинальное, хотя сюжет, кажется, тот же: на пороге пентхауса, в котором проживает герой Юрия Колокольникова, оказывается девочка Аля: мол, здравствуйте, я ваша дочка... Желаящие могут сравнить два произведения и найти в них, допустим, десять принципиальных отличий.

В Год российского кино «флагманом» семейной темы выступает комедия Дмитрия Дьяченко «СуперБобровы», моральный посыл которой вслух проговаривается персонажем Романа Мадянова: «Всё надо делать вместе – и тогда всё получится». Падение метеорита превратило отнюдь не самых дружных Бобровых в суперге-

роев: одна дочь летает, другая становится невидимой, внучка гнёт железные прутья, глава семейства телепортируется. Единственное обязательное «но»: все эти чудеса возможны только в том случае, если вся семья находится в сборе. И вот Бобровы, ещё недавно мечтавшие о том, чтобы побыстрее разбежаться в разные стороны (умирающий дед и вовсе просил на прощание передать всем родным, чтобы шли в ж...), постепенно приучаются не только находить выгоды, но и получать радость от общения друг друга. Бодрая песня на финальных титрах подытоживает: «Дружные семьи – России основа, / СуперРоссия – суперБобровы».

Жаль только, что при столь занятой идее воплощение подкачало: фильм получился так себе – и не смешной, и не зрелищный. Тем не менее зрители у картины были – и уже готовится её продолжение.

Трепетность отношения отечественных кинематографистов к теме семьи с головой выдаёт драма Олега Асадулина «Зелёная карета», главный герой которой и сам – кинематографист. И не абы какой – а самый что ни на есть успешный: фестивальным любимчик, номинант от России на «Оскар»!.. Но при этом – бабник, циник, тот ещё гад. Нет в нём внутри духовной скрепы, и на чём только держится этот (весьма условно обрисованный) талант – непонятно. Любящей жене изменяет напрапалую, с подростком сыном контакт давно потерял, набравшие его телефонный номер натываются на автоответчик: «Если вы уверены, что всё ещё хотите иметь со мной дело, оставьте сообщение».

Самобуйство недозрелого до него сына пероворачивает всё с ног до головы. Уверенный, что раз он режиссёр, то лучше всех разбирается в психологии, герой весь фильм ищет виноватых – если не убивших, то подтолкнувших подростка к смертельному прыжку, не подозревая почему-то самого себя, в упор не видя первоисточника бед. «Скатертью дорога», – плюёт он вслед ушедшей жене, отказываясь ценить даже то последнее настоящее, что у него оставалось.

Свою жизнь Вадим Раевский переживает как съёмки: ему всё видится, что со стороны за ним наблюдает съёмочная группа, во главе которой – он сам, постановщик собственной трагедии; в конце концов даже его дом оказывается всего лишь картонной декорацией. А ведь говорила ему жена Вера, предупреждала: «Когда-нибудь ты проснёшься и поймёшь, что это не кино, это жизнь. Смотри только, чтобы не было поздно».

Не внял, пропустил мимо ушей, опоздал. Приговор получен на диске: вгиковец-сын сдал смонтированную хронику семейного раздора в качестве курсовой работы.

Условность доведена до предела: финал позволяет Раевскому всё переиграть в «актёрском дубле». «Здравствуй, сынок, как хорошо, что ты позвонил», – тут же отвечает он на звонок, и зритель вздыхает с облегчением: не нужны нам никакие «Оскары», был бы мир в доме да счастье в семье.

Раскрыта ли тема? Допустим. Но веришь ли фильму? Нет. Реализм, психологизм, подлинность переживаний – это всё не про «Зелёную карету». Видно, что Андрей Мерзликин, хороший актёр, старается изо всех сил, пытается и понять, и простить своего окостеневшего персонажа – но нет ему помощи ни в полном условностей сценарии, ни в чём-либо ещё, из чего складывается полноценная кинокартина. Так что тема есть, но правды – нету.

Другое дело – фильмы Николая Лебедева, безусловного лидера нашего «зрительского кино». В контексте данного материала просто нельзя не упомянуть уже проверенную временем «Легенду №17» и недавний «Экипаж». Обе ленты теме семьи разрабатывают разве что косвенно, внешне они совсем о другом – о хоккее и об авиации. Но семья – это тот обязательный тыл, без которого не могут жить и дышать герои.

Да, прославленный хоккеист Валерий Харламов сбежал от своей «броневой» матери – но куда не делся от родни, которая по-прежнему болеет за него, переживает его спортивные успехи как собственные. У персонажа того же Даниила Козловского в «Экипаже» непростые отношения с отцом: «Дальний родственник», – говорит тот о сыне. Похожая реплика вложена и в уста Владимира Машкова: «Да какой родственник – сын», – ибо сын – балбес и неуч, что хорошего о таком скажешь. Сцепляет мужчин жена и мать – та тонкая, но прочная нить, что не даёт их семье развалиться.

Своими картинами Лебедев доказывает, что о самом важном необязательно кричать громко: порой достаточно нескольких (просто максимально точных) штрихов – и всё будет с предельной ясностью понятно. У Победы много неотъемлемых составляющих: и личные качества, и опыт, и умение работать в команде... Но без Семьи – никуда, это – незыблемая основа.

Продолжать перечисление можно ещё долго. Можно вспомнить и про осуществлённую Александром Велединским экранизацию романа

Алексея Иванова «Географ глобус пропил», где муж решает развеять семейную скуку, намеренно сведя жену с любовником, чтоб та выпустила пар и поостыла. И про трагедию Олега Погодина «Дом» – про проживающее (и погибающее) вместе огромное семейство. И про комедии Ярослава Чеважевского «Мама дарагая!» (ошибка в заголовке сознательная) и Александра Войтинского «Джунгли»: в первой чересчур бдительная мать «забывает» своей заботой инфантильного сына, во второй семейный кризис преодолевается на необитаемом острове под слоганом «Любовь – это война!».

А уж отмотать назад десяток-другой лет – то тут и два «Брата» Алексея Балабанова, и примкнувшие к ним «Сёстры» Сергея Бодрова-младшего, и «Свои» Дмитрия Месхиева, и «Мама» Дениса Евстигнеева!.. То есть то кино, которое ещё недавно было «новым», а сейчас уже числится современной классикой. Другой напрашивающийся разворот – в сторону телеэкрана, предлагающего самые разнообразные семейные истории: от рассчитанных на широкую аудиторию сериалов СТС «Папины дочки» и «Воронины» до более «точечных» проектов ТНТ: «Измены», «Сладкая жизнь», «Озабоченные» (и это не говоря о бесчисленных телесагах «России» и Первого канала).

Но надо когда-то поставить уже точку. Если перефразировать Льва Толстого, сумевшего вместить всё самое главное по «семейному вопросу» в одну-единственную фразу, то можно сказать, что все фильмы про счастливые семьи

в чём-то похожи друг на друга, в то время как каждая несчастливая семья несчастлива как в нашем, так и в мировом кино по-своему. Но полного единства в дискуссии о том, как преломлять в художественном свете семейные радости и проблемы, нет: интерес к теме налицо, а внятные директивы до сих пор никем не получены. Поиски как велись, так и ведутся, плохие ленты сменяются хорошими, посредственные – талантливыми. И уже сам факт этого непрерывного процесса говорит о том, что «застоя» в этом деле у нас пока не наблюдается.

Максим МАРКОВ

родился в 1979 году,

детские и школьные годы провёл в Петрозаводске.

Окончил Российский университет дружбы народов,

живёт и работает в Москве.

В последние годы сотрудничает

с онлайн-изданиями «Ридус» и «Настоящее кино».

Настоящий материал – продолжение разговора, начатого статьёй «Страна чудес или страна обмана:

образ Отчизны в российском кино

(«Север», №1-2, 2016 год).

